

DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133

Корейский вопрос на Портсмутской мирной конференции

Б.Б. Пак

Аннотация. Настоящее исследование посвящено усилиям российской делегации на мирных переговорах в Портсмуте по включению в мирный договор условия о признании Японией полной независимости Кореи и скорейшего вывода войск с её территории. Статья написана на основе обширного круга источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот.

В статье дана характеристика международного положения до начала мирных переговоров. Описаны попытки правительства Японии начать мирные переговоры с Россией в июле 1904 г., в частности, впервые приведено детальное содержание предложения японского посланника в Лондоне Т. Хаяси С.Ю. Витте о встрече в Берлине для обсуждения условий мира. Рассмотрены различные мнения в японском правительстве о предполагаемых условиях мира, показана перемена в настроении русского правительства в пользу прекращения войны и подготовки мирных переговоров с Японией в марте 1905 г., подробно описана встреча министра иностранных дел Т. Делькассе с японским посланником во Франции И. Мотоно 5 апреля для выяснения возможных оснований для мирных переговоров.

Проанализирована роль президента США Т. Рузвельта в подготовке и проведении мирной конференции. Рассмотрены попытки Т. Рузвельта обеспечить руководящую роль при урегулировании русско-японского конфликта, в частности, его предложения «добрых услуг» в марте 1905 г., обсуждение вопроса о посредничестве на встрече с послом в Вашингтоне А.П. Кассини 30 марта. Раскрыты его попытки убедить принять условия японской делегации.

Подробно воспроизведены дебаты по корейскому вопросу, разоблачения русской делегацией на конференции захватнического характера японских требований, выступления за сохранение независимости Кореи. Проанализированы доводы и требования японских уполномоченных на ответы и предложения русских представителей.

Делается вывод о том, что суверенитет Кореи Портсмутским мирным договором не был поколеблен. Хотя по договору Россия признавала за Японией преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее, русское правительство «не имело в виду нарушать принцип независимости Кореи», положенный в основу политики России на Дальнем Востоке. При этом признание оговаривалось зафиксированным в протоколе конференции обязательством Японии не принимать без согласия правительства Кореи мер, затрагивающих суверенитет последней. Это признание стало единственным внешнеполитическим препятствием на пути к полному уничтожению независимости и территориальной неприкосновенности Корейского государства Японией ещё на протяжении целых пяти лет после Портсмута.

Ключевые слова: русско-японские мирные переговоры в Портсмуте, Портсмутский мирный договор, суверенитет Кореи, Россия, Япония, С.Ю. Витте, Т. Рузвельт, В.Н. Ламздорф.

Автор: Пак Бэлла Борисовна, доктор исторических наук, руководитель Кабинета (Лаборатории) истории и культуры Кореи, ведущий научный сотрудник, Институт востоковедения

РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12). ORCID: 0000-0003-0400-4917; E-mail: pakbell7@gmail.com

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности. Исследование выполнено за счёт гранта РНФ (грант № 19-18-00017).

Для цитирования: Пак Б.Б. Корейский вопрос на Портсмутской мирной конференции // Японские исследования. 2021. № 4. С. 113–133. DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133

The Korean issue at the Portsmouth Peace Conference

B.B. Pak

Abstract. This study focuses on the efforts of the Russian delegation at the Portsmouth Peace Conference to include in the peace treaty a clause on Japan's recognition of the full independence of Korea and the early withdrawal of troops from its territory. The article was written on the basis of a wide range of sources, most of which are being introduced into scientific circulation for the first time.

The article provides a description of the international situation before the start of the peace negotiations. The attempts of the Japanese government to start peace negotiations with Russia in July 1904 are described, in particular, the detailed content of the proposal of the Japanese envoy to London T. Hayashi to the Russian Finance minister S.Yu. Witte about the meeting in Berlin to discuss the terms of peace is presented for the first time. Various opinions in the Japanese government about the supposed conditions of peace are considered, the change in the mood of the Russian government in favor of ending the war and the preparation of peace negotiations with Japan in March 1905 is shown, the meeting of the Minister of Foreign Affairs T. Delcassé with the Japanese envoy to France I. Motono on April 5 to clarify possible grounds for peace negotiations is described in detail.

The author considers the role of the US President T. Roosevelt in the preparation and conduct of the peace conference, as well as his attempts to ensure a leading role in the settlement of the Russo-Japanese conflict. In particular, this includes his proposal of "good offices" in March 1905 and the discussion of the issue of mediation at a meeting with ambassador to Washington A.P. Cassini on March 30. His attempts to persuade the Japanese delegation to accept the terms are disclosed.

The article reproduces in detail the debates on the Korean question, the exposure of the aggressive nature of the Japanese demands by the Russian delegation at the conference, and advocacy for the preservation of Korean independence. It analyzes the arguments and demands of the Japanese delegates to the answers and proposals of the Russian representatives.

As a result of the research, the author came to the conclusion that the sovereignty of Korea was not shaken by the Portsmouth Peace Treaty. Although, under the treaty, Russia recognized Japan's predominant political, military and economic interests in Korea, the Russian government did not intend to violate the principle of Korean independence, which was the basis of Russia's policy in the Far East. At the same time, the recognition was stipulated by the obligation of Japan, fixed in the protocol of the conference, not to take measures affecting the sovereignty of Korea without the consent of the Korean government. This recognition became the only foreign policy obstacle to the complete destruction of the independence and territorial integrity of the Korean state by Japan for the whole five years after Portsmouth.

Keywords: Russo-Japanese peace negotiations in Portsmouth, Portsmouth Peace Treaty, Korean sovereignty, Russia, Japan, S.Yu. Witte, T. Roosevelt, V.N. Lamsdorf.

Author: *Pak Bella B.*, Doctor of Sciences (History), Head of the Cabinet (Laboratory) of History and Culture of Korea, Leading Researcher, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0400-4917; E-mail: pakbell7@gmail.com

Conflict of interests. The author declares the absence of the conflict of interests.

Acknowledgements. This work was supported by Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017).

For citation: Pak B.B. (2021). Koreyskiy vopros na Portsmutskoy mirnoy konferentsii [The Korean issue at the Portsmouth Peace Conference]. *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2021, 4, 113–133. (In Russian). DOI: 10.24412/2500-2872-2021-4-113-133

Большой интерес вызывает вопрос об усилиях российской делегации на мирных переговорах в Портсмуте по включению в мирный договор условия о признании Японией полной независимости Кореи и скорейшего вывода войск с её территории. Данная тема пока ещё не получила должного отражения в отечественной историографии, несмотря на солидный массив публикаций, посвящённых русско-японской войне 1904–1905 гг. Используя обширный круг источников, большая часть которых впервые вводится в научный оборот, автор попытался заполнить этот пробел.

В ходе вооружённой борьбы на сухопутном и морском театрах к середине 1905 г. Япония добилась крупных успехов. Но это потребовало огромного напряжения её материальных и моральных ресурсов. Экономика и финансы были истощены. Росло недовольство войной широких слоев населения. Состояние действующей армии также не было достаточно прочным. Несмотря на одержанные победы, боевой дух японских войск постепенно ослабевал.

Ухудшилось международное положение страны. США, Англия и Франция, опасавшиеся окончательного поражения России и связанного с этим усиления позиций Германии в Европе и Японии на Дальнем Востоке, добивались мирных переговоров. Англия, связанная союзом с Японией, стала отказывать ей в финансовой поддержке. Япония попала в почти безвыходное положение. Дальнейшее продолжение войны представлялось бесперспективным и сопряженным с огромными потерями.

Правительство Японии неоднократно пыталось начать мирные переговоры с Россией. Ещё в июле 1904 г. французский посол в Лондоне Поль Камбон сообщил своему министру иностранных дел о готовности Японии заключить мир [Романов 1947, с. 314]. Тогда же была сделана первая попытка начать переговоры о мире. За несколько дней до 14/27 июля 1904 г. японский посланник в Лондоне Т. Хаяси через посредство бывшего советника немецкого посольства барона Г. Экардштейна и агента Министерства финансов М.В. Рутковского сделал предложение С.Ю. Витте встретиться в Берлине для обсуждения возможных условий мира. Ранее, как отмечено в фундаментальном труде И.В. Лукоянова, исследователям о содержании этого предложения было известно лишь из краткого упоминания о нём в воспоминаниях Витте и телеграмме Рутковского В.Н. Коковцеву от 12/25 февраля 1905 г.¹ [Лукоянов 2010, с. 578; Из архива С.Ю. Витте 2003, с. 105; Романов 1947, с. 320; Игнатьев 1989, с. 196].

¹ Красный архив. 1924. № 6. С. 6–7.

В «Документах из дел по Портсмутскому договору, подлинных и не вошедших в сборник Министерства иностранных дел²» из коллекции С.Ю. Витте, хранящейся в Бахметьевском архиве в Отделе рукописей Библиотеки Колумбийского университета, удалось найти ранее не публиковавшийся подлинник письма М. Рутковского послу в Лондоне графу А.К. Бенкендорфу от 14/27 июля 1904 г. В нём он сообщал:

«Несколько дней назад обратился ко мне бывший советник немецкого посольства (ныне числящийся в ведомстве), Барон Экардштейн с просьбою сообщить, находится ли ещё в Берлине Председатель Комитета Министров, Статс-Секретарь Витте. На мой вопрос отчего он интересуется пребыванием Г. Витте в Берлине, Барон Экардштейн ответил, что его вопрос вызван желанием Японского Посланника в Лондоне, Виконта Гаяши, переданным ему через третье лицо, повидать секретно где-либо Г. Витте, дабы иметь возможность переговорить, не представляется ли возможным примирить интересы России и Японии на Дальнем Востоке и прекратить кровопролитную войну. По мнению Японского Посланника при нынешнем пребывании Г. Витте, в Берлине представляется наиболее удобным свидание с ним за границу, которое осталось бы в строгой тайне».

М. Рутковский далее упоминал о просьбе бар. Экардштейна выяснить, не согласится ли С.Ю. Витте на указанное свидание, и о получении им от бар. Экардштейна подтверждения, после личного свидания с Т. Хаяси, что последний желал бы устроить свидание с С.Ю. Витте, но до этого будет телеграфировать своему правительству о своём плане свидания, «дабы иметь более авторитета при обмене мыслей, причём прибавил, что он знает, что Маршал Ямагата, Б. Ито и Комура сторонники мира...»³.

Согласно телеграмме М.В. Рутковского, Т. Хаяси получил от своего правительства одобрение на свидание с Витте и инструкции. Просьба посланника была сообщена в Петербург, но была отклонена Николаем II⁴.

2 марта / 17 февраля и 7 марта / 22 февраля 1905 г. состоялись ещё 3 свидания Рутковского с бар. Экардштейном, где последний сообщил о подтвержденных ему японским посланником в Лондоне Хаяси сведениях о беседе президента США Т. Рузвельта с японским посланником в Вашингтоне об условиях мира, заявленных Японией, и желании Хаяси начать обсуждение возможных условий мира⁵ [Лукоянов 2010, с. 583]. Но Коковцев дал распоряжение Рутковскому воздержаться впредь от всяких переговоров⁶. Дело это не имело дальнейшего хода, и Министерство иностранных дел не приняло в нём никакого участия.

После поражения России под Мукденом в Париже⁷ и Берлине были всерьёз обеспокоены военными успехами Японии и заговорили о мире. Уже в начале марта 1905 г. Вильгельм II, до того убеждавший царя в невозможности закончить войну с Японией, «не

² Имеется в виду: Сборник дипломатических документов, касающихся переговоров между Россией и Японией о заключении мирного договора. 24 мая – 3 октября 1905 г. СПб., 1906.

³ Columbia university library. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 29. № 3. Письмо М. Рутковского послу в Лондоне графу А. К. Бенкендорфу от 14/27 июля 1904 г.

⁴ Красный архив. 1924. № 6. С. 6–7.

⁵ Отдел письменных источников Государственного исторического музея (ОПИ ГИМ). Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 7: М.В. Рутковский – А.К. Бенкендорфу 22 февраля (7 марта) 1905 г. (копия).

⁶ Красный архив. 1924. № 6. С. 7–8.

⁷ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 15: Копия секретной телеграммы японского посланника в Париже Мотоно, от 23 февраля 1905 г. японскому министру иностранных дел Комура.

одержав очень существенных успехов»⁸, на обеде у американского посла Ч. Тоуера говорил, что русские могут справиться с японцами, но это потребовало бы таких усилий и расходов, что «игра не стоила бы свеч», тем более что «нельзя отвечать за то, как отзовется на внутреннем строе государства такое чрезвычайное усилие», и поэтому «надо заключить мир». Император спрашивал Тоуера, не присоединится ли правительство США к его предложению для воздействия на Японию и достижению условий, которые Россия могла бы принять⁹.

Одновременно тон японских дипломатов становится более заносчивым. Так, во время беседы посла в Париже А.И. Нелидова с японским посланником в Париже Мотоно 20/7 марта, последний, пытаясь выяснить возможные условия заключения мира, заявил, что Япония не спешит закончить войну, складывающуюся для неё благоприятно; и если японской армии удастся захватить Харбин, требования будут очень велики, так как националистическая партия будет претендовать на сеть русских железных дорог к Владивостоку¹⁰. Один из влиятельных чинов японского Министерства иностранных дел в беседе с корреспондентом в Шанхае парижской «Иллюстрацион» Бале, секретным агентом России, сотрудничавшим с А.И. Павловым¹¹, 3 марта сказал: «Японское правительство крайне изумлено, что Россия не просит ещё мира. Но японцы рассчитывают, что давление, которое должно быть оказано на Россию французами и германскими финансистами, вынудит её заключить в самом ближайшем будущем мир». Относительно предполагаемых условий мира то же лицо высказало, что среди членов японского правительства существует два мнения: одни настаивают на необходимости потребовать крупное военное вознаграждение, воздержавшись от территориальных уступок; другие считают неременным условием уступку Японии Сахалина, признание права присоединить весь Ляодунский п-ов и полное очищение Россией остальной Маньчжурии, на контрибуции же считают более благоразумным не настаивать. На этих условиях они считают возможным и желательным не только мир, но и тесное сближение России и Японии¹².

Заметная перемена происходит и в настроении русского правительства, где на время возобладали доводы в пользу прекращения войны и подготовки почвы для мирных переговоров с Японией.

8/21 марта 1905 г. российскому послу в Париже А.И. Нелидову было дано распоряжение объяснить с французским министром иностранных дел Т. Делькассе, прося его путём обмена мыслей с японским посланником Мотоно или с помощью французского представителя в Токио выяснить у влиятельных японских государственных деятелей позицию Японии для определения возможных оснований для мирных переговоров. Неременным условием было исключение требований уступки какой-либо части русской территории, уплаты военной контрибуции, изъятия из владения России железнодорожных линий по направлению к Владивостоку, и уничтожения военного флота в Тихом океане. В случае предъявления Японией неприемлемых условий, российское руководство намерено

---

⁸ Красный архив. 1925. № 9. С. 62.

⁹ Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 39.

¹⁰ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 49.

¹¹ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 58. Л. 229.

¹² АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 141.

было продолжить военные действия¹³. Такие же инструкции были даны в Вашингтон А.П. Кассини¹⁴.

23 марта / 5 апреля Делькассе виделся с И. Мотоно, высказавшим мнение, что ни одна из воюющих сторон не может нанести другой решающего удара и следовательно, бесполезно бороться на истощение. В ответ Делькассе выразил надежду, что Франция могла бы помочь в установлении соглашения, и свою готовность зондировать намерения России, если условия Японии не будут содержать положения, наносящие ущерб национальному достоинству России. Мотоно просил дать ему подумать, прежде чем обратиться к руководству, но Делькассе полагал, что тот хотел телеграфировать в Токио, чтобы испросить указаний¹⁵.

Образ действий Мотоно в Петербурге объяснили приказанием из Токио не выступать ни с каким предложением в расчёте, что Россия, поставленная в тяжёлое положение Мукденской неудачей, сама вынуждена будет заявить о своём желании приступить к мирным переговорам. 30 марта / 12 апреля Нелидов сообщал, что, разделяя взгляды Делькассе о пользе воюющим сторонам договориться напрямую, Токийский кабинет поручил Мотоно спросить Делькассе, может ли он гарантировать, что Россия действительно хочет мира. Делькассе отвечал, что если японское правительство даст формальные гарантии того, что условия его не будут содержать упоминания о контрибуции или территориальных уступках, то он в состоянии без замедления устроить свидание уполномоченных для ведения переговоров. Мотоно ответил, что надеется на именно такой характер условий, если только обстоятельства не изменятся¹⁶.

С другой стороны, отсутствие в Петербурге уверенности в том, что, откладывая на неопределенный срок начало мирных переговоров, Россия в ближайшем времени в состоянии будет при существующем однокорейном пути и дальности расстояния сосредоточить достаточное количество войск, чтобы успешно бороться с японской армией, находящейся в более благоприятных условиях, что могло грозить новыми осложнениями на театре войны, занятием японцами Сахалина, и других местностей на русской территории и сделать ещё более затруднительным заключение достойного для России мира, заставило Ламздорфа дать указание Нелидову убедить Делькассе, прибегнув к посредству американского посланника в Париже, либо французского представителя в Вашингтоне войти в доверительные сношения с Рузвельтом для совместного с французским правительством воздействия на Японию с целью побудить её к обсуждению допустимых в принципе условий мира¹⁷, тем более, что последний настойчиво предлагал своё личное посредничество в деле мирных переговоров между Россией и Японией, о чём сообщал в Петербург посланник в Вашингтоне Кассини в телеграммах от 7/20, 12/25 и 17/30 марта 1905 г. Так, 12/25 марта Кассини сообщал о просьбе президента США «приехать к нему в понедельник утром», чтобы коснуться вопроса о мире и, возможно, его «добрых услугах». Кассини считал личность президента, имеющего несомненное влияние на Японию и «видящего опасность успехов Японии для других заинтересованных держав», наиболее подходящей для такой

---

¹³ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 8: Проект секретной телеграммы д.т.с. Нелидову в Париж от 8/21 марта 1905 г.

¹⁴ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 58.

¹⁵ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 67.

¹⁶ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 185.

¹⁷ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 148.

миссии. Он полагал, что Рузвельт охотно согласится оказать добрые услуги одновременно двум воюющим сторонам¹⁸.

В ответ Ламздорф дал указание Кассини на случай предполагаемых объяснений с президентом не отклонять резко добрые услуги Рузвельта, дабы не вызвать в нём чувства обиды, а в самых общих выражениях указать на возможность заключения мира лишь при известных условиях, придерживаясь инструкций, данных 8 марта¹⁹. 17/30 марта Кассини сообщал о своей встрече с Рузвельтом, на которой, не отклоняя мирных устремлений последнего, настаивал на том, что Россия никогда не примет унижительных условий и не откажется от своего будущего на Дальнем Востоке. На встрече Рузвельт заявил, что Япония, готовая на немедленные переговоры о мире после Ляоянской битвы, теперь решила продолжить войну, окрылённая недавним успехом. В связи с этим он поделился своими опасениями за Владивосток и всю береговую линию и сказал, что продолжение успехов Японии опасно для интересов держав. Мнение Рузвельта об опасности политики Японии Кассини считал очень разумным²⁰.

Рузвельт, на которого успехи Японии произвели сильное впечатление, допускал возможность занятия японцами Владивостока со всем русским побережьем, видя в этом прямую угрозу интересам США.

Поражение русского флота в Цусимском сражении заставило русское правительство осознать серьёзность положения и необходимость скорейшего прекращения войны.

Сразу же после Цусимского сражения, 18/31 мая министр иностранных дел Японии барон Д. Комура предписал посланнику в США К. Такахира обратиться к президенту Рузвельту с просьбой о посредничестве [Akagi 1936, p. 248; Dennett 1925, p. 217]. Вильгельм II, опасаясь серьёзной опасности, грозящей существованию монархии и жизни царя, 21 мая / 3 июня вызвал американского посла Тоуэра и просил через него Рузвельта предложить России своё посредничество через посла США в Петербурге [Переписка Вильгельма II с Николаем II, 1923, с. 102–105; Dennett 1925, p. 215–216; Романов 1947, с. 414]. Рузвельт ответил согласием. Президент США твёрдо решил положить конец войне, принимавшей опасный для американских интересов оборот. По оценке российского историка Б.А. Романова, столкновение между Россией и Японией рассматривалось Т. Рузвельтом «как полезное взаимоистребление двух наций, после которого надлежит сохранить между ними те самые “пограничные трения”, которые будут держать Россию и Японию в состоянии постоянного антагонизма и обоюдного равновесия, призванных обеспечить господство США на Тихом океане, в частности на Дальнем Востоке» [Романов 1947, с. 393]. Но чрезмерное усиление одной из сторон не входило в его расчёты. Кроме того, участием в посредничестве американская дипломатия преследовала собственные интересы, стремясь обеспечить себе господствующее положение в Маньчжурии.

Рузвельт формально обратился 21 мая / 3 июня к Кассини с предложением своих услуг для устройства свидания уполномоченных, причём объяснил своё вмешательство единственно только желанием оградить самолюбие обеих держав при разрешении щекотливого вопроса о том, кому надлежит сделать первый шаг²¹ [Сборник].

¹⁸ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 93.

¹⁹ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 99.

²⁰ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 65. Л. 123.

²¹ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 67. Л. 114.

Одновременно американский посол в Петербурге Джордж фон Лангерке Мейер, сменивший на этом посту Р. Маккормика, получил по телеграфу указание Рузвельта склонить Россию к переговорам, для чего испросить немедленно высочайшую аудиенцию и постараться лично убедить Николая II в необходимости посылки уполномоченных для обсуждения вопроса о возможности заключения мира²² [Сборник, № 1, с. 3].

Россия находилась в ином положении, чем Япония. У неё было достаточно сил и средств, чтобы выиграть войну даже после Цусимской катастрофы. Военные ресурсы были далеко не исчерпаны. Однако и царское правительство было заинтересовано в скорейшем заключении мира. Решающим обстоятельством явилось стремление развязать себе руки на Дальнем Востоке для борьбы с начавшейся революцией. 24 мая / 6 июня 1905 г. Особое совещание в Царском Селе высказалось за немедленное прекращение войны [Конец русско-японской войны 1928, с. 191–204; Романов 1947, с. 417–418]. На следующий день Николай II сообщил послу США, что Россия готова начать с Японией переговоры [Dennett 1925, p. 194; Романов 1947, с. 419].

26 мая / 8 июня 1905 г. Т. Рузвельт отправил в Петербург и Токио официальное предложение об открытии и посредничестве в мирных переговорах²³ [Сборник, № 7]. 30 мая Россия в специальной ноте приняла это предложение и согласилась на встречу российских и японских уполномоченных²⁴ [Сборник, № 10].

27 июля 1905 г. в Портсмуте (США) открылась мирная конференция, японскую делегацию возглавил министр иностранных дел Дзютаро Комура, русскую – председатель совета министров С.Ю. Витте. Мирные переговоры начались в благоприятных для Японии условиях. Перед открытием конференции Вашингтон и Лондон договорились с Японией о разграничении сфер влияния на Дальнем Востоке. Личный представитель президента США – военный министр Тафт в беседе с японским премьером в Токио 14 июля 1905 г. подтвердил согласие США на захват Японией Кореи, а Япония со своей стороны признавала американский суверенитет на Филиппинах. 30 июля был подписан новый англо-японский договор о союзе, в одной из статей которого подчёркивалось преобладание японских интересов в Корее и признавалось право Японии «принимать такие меры руководства, контроля и покровительства над Кореей, какие она найдёт соответствующими и необходимыми, чтобы охранить и развить эти интересы» [Ключников Ю.В., Сабанин А.В. 1925, с. 317–318]. Досрочное возобновление англо-японского союза было важно для Японии, т.к. в первом англо-японском договоре 1902 г. во введении декларировалась территориальная неприкосновенность Китая и Кореи. Япония, для которой главной целью возобновления союза было стремление установить протекторат над Кореей, стремилась пересмотреть этот договор и вставить в него новую формулировку по корейскому вопросу, развязывающую Японии руки в Корее. С этой целью Япония согласилась помочь Англии в обороне её индийских границ. Россия же оказалась в состоянии дипломатической изоляции. Подписанный в Бьерке 11/24 июля 1905 г. Русско-германский договор вступал в силу лишь после заключения мира между Россией и Японией.

---

²² ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 22: Инструкция Рузвельта американскому послу для передачи Николаю II о желательности встречи русского и японского представителей о заключении мира.

²³ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 26: Нота американского посла в Петербурге министру иностранных дел 27 мая / 9 июня 1905 г.

²⁴ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491. Д. 67. Л. 143.

Рассчитывая на поддержку Англии и США, Япония потребовала признания за ней преобладающих экономических, политических и военных интересов в Корее, эвакуации русских войск из Маньчжурии, уступки Сахалина, аренды Ляодунского полуострова с Порт-Артуром и железной дороги до Харбина. Это отдавало в руки Японии первоклассный плацдарм для нападения на Китай и русский Дальний Восток. Кроме того, Япония требовала контрибуции, ограничения русских военно-морских сил в водах Тихого океана и предоставления японским подданным неограниченных прав на рыбную ловлю вдоль берегов в русских владениях в Японском, Охотском и Беринговом морях.

Царское правительство спешило заключить мир с Японией, чтобы развязать себе руки для борьбы с революцией. К тому же русская делегация была недостаточно осведомлена о действительном положении Японии.

Царь назначил Витте главным русским уполномоченным после некоторых колебаний, только после того как А.И. Нелидов²⁵, А.П. Извольский, Н.В. Муравьев²⁶ один за другим отказались от сомнительной миссии, видимо понимая, что в сложившейся обстановке шансы добиться «сносного» мира для России крайне невелики и потребуются немалое искусство уполномоченного, чтобы переговоры не завершились неудачей.

Имя С.Ю. Витте, пока только как возможного делегата России на переговорах при главном уполномоченном Нелидове, было впервые предложено Николаю II В.Н. Ламздорфом, получившим 9 июня частное письмо Нелидова, где он высказывал сомнения относительно возможности для него быть подходящим кандидатом для руководства переговорами в Вашингтоне ввиду незнакомства с американскими нравами и недостаточным знанием английского языка, не говоря о чисто личной стороне – боязни длительных морских путешествий и «необходимости отлучки из Парижа на лечение водами»²⁷, ещё 11/24 июня, на что был дан категоричный ответ: «О Нелидове можете дать знать, а о статусе секретаре Витте нет»²⁸ [Сборник, № 31, с. 26]. 12 июня Ламздорф уже неприкрыто высказал царю своё убеждение в «безусловной необходимости иметь в числе уполномоченных России авторитетного специалиста по вопросам финансовым и экономическим, к тому же хорошо знающего сложные дела по железнодорожным, банковым и другим операциям на Дальнем Востоке», так как «центр тяжести предстоящих переговоров сосредоточится именно на указанных вопросах», прямо указывая на Витте. «Должное воздействие на японцев» с целью «избежать требования японцев военной контрибуции ... при условии заключения какой-нибудь финансовой сделки, могущей заменить военное вознаграждение без ущерба для достоинства России» и «понуждение японских делегатов к сговорчивости», по его мнению, было возможно «лишь в том случае, если они будут исходить от делегата, пользующагося неоспоримым авторитетом в области финансовой политики»²⁹.

Но до того как назначить С.Ю. Витте, Николай II 14/27 июня утвердил в качестве первого уполномоченного Н.В. Муравьева³⁰, поначалу принявшего³¹, но по приезде в

²⁵ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 31, 32; 69.

²⁶ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 136.

²⁷ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 31, 32.

²⁸ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 57.

²⁹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 58.

³⁰ ОПИ ГИМ. Ф. 444. Оп. 1. Д. 126. Л. 46: Проект секретной телеграммы Нелидову в Париж от 14 июня/27 1905 г.; АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 74, 84.

Петербург 25 июня, отказавшегося от поручения из-за серьёзной болезни, не позволившей ему ознакомиться в короткий срок с «обширными материалами, необходимыми для предстоящих Совещений в Вашингтоне»³² [Лукоянов 2010, с. 593]. Только после этого 29 июня / 12 июля Николай II был вынужден назначить главным уполномоченным от России на переговорах С.Ю. Витте³³ [Сборник, № 64; Лукоянов 2010, с. 593].

Выбор Витте мог показаться странным ввиду почти открыто «пораженческой позиции» бывшего министра финансов³⁴ [Лукоянов 2010, с. 593]. Однако последнее слово царь оставлял за собой. С.Ю. Витте согласился принять назначение на пост руководителя российской делегации на переговорах с Японией, т.к. достижение мира с Японией превращалось для него в вопрос карьеры, и Витте был готов на многое, чтобы добиться его заключения. По свидетельству В.Н. Ламздорфа, В.Н. Коковцов заметил по поводу его назначения: «Очень жаль, что председатель Комитета министров назначается на это место, ибо это означает, что мир будет заключен, потому что Сергей Юльевич пойдёт на всякие условия» [Витте 1991, с. 460].

До отъезда в Вашингтон 6/19 июля специально для Витте были составлены инструкции, утвержденные 29 июня / 12 июля³⁵ и 2/15 июля³⁶, свои соображения относительно которых Николай II высказал на двух аудиенциях. Копии писем Витте В.И. Сухомлинову и А.И. Сазонову, не помещённые им в «Сборник документов, касающихся переговоров о заключении Портсмутского договора», в которых имеется упоминание о встрече с царём и запись беседы с вел. кн. Николаем Николаевичем, хранятся в Бахметьевском архиве. В них нашёл отражение неизвестный ранее факт встречи с вел. кн. Николаем Николаевичем, во многом объясняющий позицию, занятую Витте во время переговоров. В письме Витте рассказал, что при первой встрече с ним 1/14 июля Николай II велел ему повидаться с председателем Совета Государственной обороны, вел. кн. Николаем Николаевичем и получить от него для ведения переговоров указания относительно положения русской армии на Дальнем Востоке и о вероятных шансах России при дальнейшем ведении войны. Явившемуся на другой же день Витте великий князь поведал, что:

«1/ Наша армия на Дальнем Востоке /на Сыпингайских позициях/, ныне находится /июль 1905 г./ в таком состоянии, что ожидать тех отступлений и уронов, которые мы систематически претерпевали с самого начала войны /февраль 1904 г./ невозможно;

2/ Напротив того, можно с вероятностью ожидать, что теперь мы начем теснить японскую армию и отодвинем её за Ялу /в Корею/ и в Квантунский полуостров /в бывшую нашу область/;

3/ Для сего потребуется около года времени, миллиарда рублей и понести урон до 200 тысяч человек убитыми и ранеными;

4/ Но, так как мы не имеем флота на Дальнем Востоке, а японский флот находится в прекрасном состоянии, то а/ мы не будем в силах выбить японцев из Кореи и Квантунского полуострова и б/ Япония займёт в это время весь Сахалин и значительные части Приморской

³¹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 74.

³² АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 136.

³³ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 622. Л. 138.

³⁴ Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 818. Оп. 1. Д. 213. Л. 26. Дневник Г.А. Плансона. Запись 1 июля 1905 г.

³⁵ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 81–82.

области»³⁷. В общем, выводы председателя Совета Обороны были неутешительны и сводились к тому, что, несмотря на обнадеживающие вести с фронтов войны в Маньчжурии, продолжение войны потребует слишком больших жертв и потому необходимо скорейшее заключение мира до занятия Японией всего Сахалина и Приморской области. При следующем представлении царю 5/18 июля Витте хотел доложить о полученных указаниях, но царь сказал, что вел. кн. Николай Николаевич уже ему их доложил³⁸.

В состав российской делегации вошли 13 человек: кроме С.Ю. Витте – Р.Р. Розен (второй уполномоченный, посол в США), Ф.Ф. Мартенс (советник МИД по международно-правовым вопросам), Д.Д. Покотиллов (посол России в Пекине), И.П. Шипов (Директор Департамента казначейства Министерства финансов), Г.А. Плансон, генерал-майор Ермолов (военный агент в Англии), полковник В.К. Самойлов (военный агент в Японии), капитан 2 ранга Чигин (морской агент в Японии), капитан 2 ранга А.И. Русин (заведующий канцелярией по морским делам при главнокомандующем); помощники-секретари МИД Коростовец, Набоков и помощник Витте [Витте 1991, с. 459, 464–465].

Поражение России в войне с Японией было воспринято корейским императором и всем корейским населением как величайшее бедствие для Кореи. Накануне мирных переговоров в Портсмуте в Корею возлагали большие надежды на Россию, всё ещё рассчитывая с её помощью сохранить независимость страны. 12/25 июня 1905 г., Коджон поручил своему бывшему министру финансов и верному стороннику России Ли Ион Ику ехать в Шанхай к Павлову и отправить телеграмму на имя Николая II, а затем ехать в Петербург, чтобы получить аудиенцию. В письме говорилось: «Всему миру известно, что Россия всегда поддерживала независимость Кореи. Ныне, в минуту предстоящего заключения мира, я глубоко убеждён, что положение моей страны может быть спасено только могущественным содействием Вашего Величества. В эту трудную минуту решаюсь прибегнуть к Вашему Императорскому Величеству в надежде, что благодаря милостивейшему расположению Вашему моей стране удастся сохранить независимость» [Пак 1979, с. 206]. Однако по дороге в Петербург в Жёлтом море джонка, на которой находился Ли Ион Ик, попала в тайфун и потерпела крушение у Ляодуна, где он долго скрывался и с большими трудностями был доставлен китайцами в Вей-хай-вей³⁹, откуда только к концу августа 1905 г. прибыл в Шанхай. К этому времени переговоры в Портсмуте уже завершились.

Участники антияпонского движения в Корею также возлагали надежды на то, что России на мирных переговорах с Японией удастся отстоять независимость Корейского государства. В прошении командования Корейской вольной дружины на имя генерала Линевича, командующего Приамурским военным округом, говорилось: «Теперь до нас, дружинников, дошли слухи, что между русским и японским правительствами ведутся мирные переговоры. Какая судьба постигнет нашу страну? Если Корея будет подчинена Японии, то ... нам уже ничего больше не остаётся, как утопиться в тумангане. Последняя наша надежда – Россия» [Пак 2004, с. 374].

³⁶ АВПРИ. Ф. 150 Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 59.

³⁷ Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 29. № 5: Копия письма Витте В.А. Сухомлинову. 10 дек 1910 г.

³⁸ Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 29. № 5: Копия письма Витте В.А. Сухомлинову. 10 дек 1910 г.

³⁹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 171. Л. 20.

Российское правительство, заранее предвидя, что Япония в ходе мирных переговоров будет требовать признания своего полного господства над Кореей, снабдило русскую делегацию соответствующими указаниями [Портсмут 1924, т. 6, с. 10].

В июне 1905 г. МИД России начал запрашивать соображения и материалы для составления инструкции русским уполномоченным по переговорам. В отношении Корейского полуострова были высказаны следующие мнения. Военный министр В. Сахаров предложил: «Предоставить Японии некоторые коммерческие выгоды в Корее», «в политическом же и военном отношении Корея должна остаться независимой» [Романов 1947, с. 503].

Министр финансов В.Н. Коковцев предлагал признать в Корее преимущественное положение японцев с тем, чтобы Япония приняла на себя обязательства не вводить в смежные с Приморским краем области Северной Кореи военные силы и не возводить здесь никаких укреплений⁴⁰ [Романов 1947, с. 504].

Управляющий Морским министерством по Главному морскому штабу Ф.К. Авелан считал недопустимым ограничения усиления «морского могущества в водах Японского моря и Тихого океана» и предлагал сохранить status quo в Лаперузском проливе, т.е. «не допустить перемен в условиях обладания берегами и свободы плавания проливом, так как иначе Японское море окажется почти также замкнутым как ныне Чёрное»⁴¹.

Наместник на Дальнем Востоке адмирал Е.И. Алексеев считал, что нельзя рассчитывать «на восстановление в Корее прежнего порядка вещей», но необходимо отстоять «неприкосновенность договоров России с Кореей». Он считал необходимым выговорить в пользу России в договоре обязательство Японии не возводить укреплений на побережье Корейского полуострова и на границе Кореи с русскими владениями⁴² [Сборник, № 59; Романов 1947, с. 506].

Все эти материалы легли в основу инструкции уполномоченному на переговорах.

В секретной инструкции послу в Италии Н.В. Муравьёву, которого первоначально предполагали назначить главой делегации на Портсмутской конференции, отмечалось:

«При установлении договорных условий относительно Кореи не следует терять из виду прежде всего, что самовольное занятие её японскими войсками, вопреки всем постановлениям международного права, явилось в то же время вопиющим нарушением договоров, обеспечивающих независимость и неприкосновенность корейского государства.

Японские делегаты в данном случае не могут ссылаться на состоявшееся будто бы между токийским и корейским правительствами соглашение, открывавшее Японии полную свободу действий в Корее, ибо у нас имеются неопровержимые документальные данные о том, что захват японцами власти в Корее совершился вопреки воле корейского императора.

Как бы то ни было, мы считаем необходимым включение в мирный договор условия признания Японией полной независимости Кореи, а также обязательства эвакуации [из этой] страны в возможно скорейший срок.

Россия со своей стороны готова признать права Японии на преимущественное положение в Корее. Но при этом, однако, в целях устранения всяких поводов к недоразумениям, Япония должна принять на себя обязательство не вводить в смежные с

⁴⁰ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 11 об.

⁴¹ АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 18.

нашим Приморским краем области Северной Кореи своих войск и не сооружать там никаких укреплений.

Равным образом необходимо добиться включения в договор обязательства Японии не возводить крепостей на южном побережье Кореи в видах сохранения свободы плавания через Корейский пролив»⁴³ [Сборник, с. 78–79].

Итак, Россия готова была признать преимущественное положение Японии в Корее, но при условии, что японское правительство даст обязательство уважать независимость корейского государства, выведет оттуда свои войска и не будет возводить военных укреплений в районах, прилегающих к Приморской области, и на юге Корейского полуострова.

28 июля / 10 августа состоялось первое официальное заседание. Комура (глава японской делегации в Портсмуте) представил 12 условий договора.

В инструкциях японским дипломатам, утверждённых императором Японии, условия мира делились на три группы: абсолютно обязательные, относительно важные (для решения в соответствии со складывающейся ситуацией) и такие, по которым могли принимать решения сами уполномоченные.

К «абсолютно обязательным» относились признание «свободы рук» Японии в Корее; отвод русских войск из Маньчжурии; передача японцам арендных прав на Ляодунский полуостров и южную ветвь КВЖД. «Относительно важные» условия включали: возмещение военных расходов; передачу русских военных судов, оставшихся в нейтральных портах; передачу Сахалина и прилегающих к нему островов; предоставление рыболовных прав вдоль дальневосточного побережья. К последней группе относились следующие требования: ограничение морских сил России на Дальнем Востоке, уничтожение всех фортификаций крепости Владивосток и превращение ее в абсолютно коммерческий порт [Akagi 1936, p. 252; Кутаков 1961, с. 21–22].

На первом официальном заседании Портсмутской конференции 11 августа 1905 г. русской делегации были переданы японские условия мира. Статья 1 их касалась Кореи: «Россия, признавая, что Япония владеет в Корее преобладающими политическими, военными и экономическими интересами, обязуется не противодействовать и не вмешиваться в те меры руководства, покровительства и контроля, которые Япония найдёт необходимым применять в Корее»⁴⁴.

Японский проект этой статьи был весьма сходен с корейской статьей второго англо-японского союзного договора, который был официально подписан 12 августа, но полностью согласован уже в самом начале этого месяца. Статья гласила: «Ввиду того, что Япония имеет преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее, Великобритания признаёт право Японии принимать такие меры руководства, контроля и покровительства в Корее, какие она сочтёт соответствующими и необходимыми для охраны и развития этих интересов, с тем условием, чтобы эти меры не противоречили принципу равных возможностей для торговли и промышленности всех наций» [British documents, p. 155–156].

⁴² АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 20, 22, 25.

⁴³ АВПРИ. Ф. 143 «Китайский стол». Оп. 491, 1905 г. Д. 63. Л. 151–152; АВПРИ. Ф. 150 «Японский стол». Оп. 493. Д. 623. Л. 26.

⁴⁴ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906., с. 12–13.

Следует, однако, отметить, что японский проект мирного договора в Портсмуте предоставлял Японии ещё большие права и возможности в отношении Кореи, чем даже англо-японский договор. После успешного завершения переговоров с США и Англией японцы в Портсмутском проекте корейской статьи не сделали оговорки, что их мероприятия в Корее не должны наносить ущерба коммерческим интересам других иностранцев в Корее.

Попытка Витте при обсуждении пункта 1 о Корее заикнуться о «необходимости общности действий Японии и России и о готовности поддержать Японию» встретила решительный отпор со стороны Комура: он довольно сухо заявил, что Япония не нуждается в поддержке России и что для него довольно, если г-н Витте поддержит его здесь на конференции – «согласится на предоставление Японии свободы действий в Корее» [Коростовец 1923, с. 60].

Обнародование японских условий заключения мира вызвало перелом в американском общественном мнении. Как оказывалось, не Россия, а Япония добивается захвата Кореи, что Порт-Артур она завоевала также для себя, а не ради «борьбы с захватами» [Ольденбург 2003, с. 259]. Т. Рузвельт, однако, считал японские условия вполне приемлемыми.

Дебаты по корейскому вопросу длились с 30 июля / 12 августа по 1/14 августа 1905 г.

На 2-м официальном заседании в Портсмуте 30 июля / 12 августа был оглашён русский ответ. С.Ю. Витте (глава русской делегации) согласился принять требования Японии со следующими тремя добавлениями: «1) Россия и русско-подданные будут пользоваться в Корее всеми правами и преимуществами, которые имеют или будут иметь там другие иностранные державы и подданные; 2) военные мероприятия Японии в Корее не будут угрожать безопасности соседней с Кореей русской территории; 3) меры, применяемые Японией по осуществлению руководства, покровительства и контроля в Корее, не будут нарушать суверенных прав корейского императора»⁴⁵ [Кутаков 1961, с. 31–33].

Японские уполномоченные, ознакомившись с ответом русских представителей, внесли новый вариант (ст. 1) своих требований. Они признали равноправие России и русских подданных с другими странами и их подданных, но с оговоркой: что оно не будет противоречить предыдущему постановлению о полном господстве Японии. С.Ю. Витте доказывал, что Россия и русскоподданные, согласно этой оговорке, будут пользоваться в Корее не всеми правами, которыми там пользуются другие, а только теми из них, которые «не противоречат оговорке о полном господстве японцев в Корее», в то время как другие державы такому ограничению не подлежат. В конце концов стороны договорились из первого добавления выпустить слово «Россия».

По поводу второго добавления С.Ю. Витте японская делегация согласилась внести в проект статьи о Корее пункт, обязывающий Японию воздерживаться от военных мероприятий на русско-корейской границе, но с условием, чтобы подобное обязательство было распространено и на Россию. Кроме того, японцы требовали, чтобы Россия обязалась срыть все существующие на русско-корейской границе укрепления.

Споры вызвало и предложение Витте не проводить военных мероприятий на корейской границе. Представители Японии потребовали, чтобы Россия не только взяла те же обязательства, но и «срыла все укрепления» на русско-корейской границе, на что

---

⁴⁵ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906, с. 12–13.

уполномоченные России не согласились. Витте заявил о своём несогласии с этим добавлением, и после продолжительных споров японская делегация вынуждена была снять свои возражения и согласиться. Было решено занести в протокол, что срытию подлежат только те фортификационные сооружения, которые были возведены во время войны.

Наибольшие споры в ходе обсуждения ст. 1 Портсмутского договора вызвал вопрос о суверенитете Кореи. Русская делегация на конференции выступила с разоблачениями захватнического характера японских требований. Витте выступал за сохранение независимости Кореи⁴⁶ [Пак 2004, с. 366–367].

Настаивая на включении в текст договора этого положения, С.Ю. Витте говорил, что Россия не имеет ввиду фактически препятствовать японским мероприятиям в Корее, но не может по собственной воле, единолично подписать договор об уничтожении суверенитета этой страны, т.к. это вызовет протесты других правительств, одинаково заинтересованных в судьбе этого государства, и что было бы неосторожно как со стороны Японии, так и со стороны России умалчивать в договоре о её независимости.

Глава японской делегации Комура утверждал, что Япония не может допустить подобной формулировки, так как независимость Кореи уже утрачена, и сослался на соглашение, заключённое Японией с корейским императором, которое ограничило в известной мере суверенитет Кореи, имея в виду навязанный силой Корее так называемый Корейско-японский договор о сотрудничестве, по которому Япония получила право финансового и внешнеполитического контроля в Корее, и указ от 19 мая 1904 г. об аннулировании всех договоров, подписанных между Россией и Кореей и отзыве корейских дипломатических представителей из-за границы и закрытии иностранных посольств в Корее с сохранением лишь консульских отделов, согласно которому все договоры с иностранными державами Корея могла заключать лишь с согласия Японии, изданный Коджоном под угрозой свержения с престола и его жизни⁴⁷.

Комура доказывал, что в настоящее время на конференции речь идёт только о признании Россией полной свободы действий Японии в Корее и что если возникнут протесты со стороны других держав, то Япония сама сумеет ответить им. Тогда Витте предложил записать в мирном договоре или в протоколе, что японские делегаты, несмотря на настояния русских уполномоченных, отказываются признать суверенитет Кореи. Комура Дзютаро не согласился. После долгих споров решено было в тексте договора о независимости Кореи вовсе не упоминать, а в протоколе конференции сделать следующую оговорку: «Уполномоченные Японии заявляют, что было согласовано, что меры, которые Япония может признать необходимым принять в Корее в будущем и которые наносят ущерб суверенитету этой страны, будут приняты в согласии с правительством Кореи»⁴⁸.

---

⁴⁶ АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 54–57; Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 32. № 5, с. 51–54: Отчёт секретаря конференции Г.А. Плансона. СПб., 1908 г.

⁴⁷ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключённого 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906. С. 10–12; АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 57–58.

⁴⁸ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключённого 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906. С. 11; АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 58.

На третьем официальном заседании 1/14 августа русская сторона представила текст статьи 1 о Корее, и её французская редакция была окончательно принята японцами. Тем не менее, они сочли необходимым несколько дней спустя вновь к ней вернуться и просить о некоторых изменениях.

Дело в том, что японцы излагали свои мысли по-английски при содействии преданного им американского юриста Денисона. Когда приходилось редактировать что-либо по-французски, то они соглашались безбоязненно только на те французские выражения, которые с буквальной точностью передавали соответствующие английские выражения.

Плансон вспоминал, как, «тщательно вчитываясь в текст первой статьи о Корее, уже принятый обеими сторонами, японцы стали сомневаться, достаточно ли сильно выражены по-французски некоторые их английские выражения, которым они придавали важное значение. Так, слова: “Japan possesses in Corea paramount political etc. interest”, – были ими же самими переведены при первоначальном представлении условий словами: “le Japon possede en Coree des interets prépondérants...”. Но потом их стало мучить сомнение, что это недостаточно сильно передаёт всю важность их интересов в Корее, и после тщательных розысков по словарям они обратились с просьбой о замене выражения “prépondérants” более сильным словом “prédominants”, чтобы для всех было ясно, что у них в Корее не только преобладающие, но и господствующие интересы». Просьба их была исполнена.

Такое же сомнение вызвало у них слово «contrôle» при изменении права Японии принимать в Корее «des mesures de direction de protection et de contrôle». Они опасались, что по-французски слово «contrôle» не имеет того обширного значения «господства», какое ему придаётся в английском языке, другого же более подходящего выражения не находили. Несмотря на доводы русских уполномоченных, что во всяком случае три слова вместе «direction de protection et contrôle» составляют «до такой степени всеобъемлющие понятие, что не составляют ни малейшего сомнения в обширности прав Японии», Комура настоял на том, чтобы в протоколе была сделана особая оговорка, что слово «contrôle» в статье о Корее должно быть понимаемо в более обширном английском его значении⁴⁹.

Коснулись японцы корейского вопроса и при переговорах об эвакуации войск из Маньчжурии. В представленном ими плане эвакуации было сказано, что русские войска отводятся на русские пределы, а японские – на Ляодунский полуостров и в Корею, что вызвало протесты российской стороны. Комура согласился вычеркнуть упоминание о Корее, но категорически заявил, что никакого вмешательства в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее, не будет допущено [Портсмут 1924, т. 7, с. 15].

По воспоминаниям Плансона, этому предшествовала частная беседа Витте с Комура в гостинице. Витте сказал тогда, что никак не может допустить постановления об отводе всех японских войск в Корею. Признавая, что Россия, предоставляя японцам широкую свободу действий в Корее, готова согласиться, что «для осуществления их мероприятий» им необходимо иметь там некоторое количество войска – «примерно дивизию или две», он считал, что предоставление им по договору права отвести туда всю свою армию «послужит угрозой миру на всём Дальнем Востоке и вызовет справедливые протесты и нарекания держав». Поэтому он полагал необходимым точно оговорить в договоре, что японские

⁴⁹ АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 59–60.

войска будут отведены в пределы Японии или, по крайней мере, занести в протокол, что вопрос этот был возбужден русскими уполномоченными, на что японцы ответили отрицательно.

По словам Плансона, барон Комура «в сильном возбуждении» отвечал, что «ни под каким видом на это согласиться не может, что упоминать об этом в договоре или протоколе значит стеснять их свободу действий. «Самое требование об этом доказывает, – говорил он, – что русские уполномоченные не ясно поняли положение дел и намерения Японии относительно Кореи. В таком случае барону Комура остаётся только потребовать пересмотра вновь всех постановлений, касающихся Кореи, чтобы в этом не оставалось более ни малейшего сомнения».

Успокоить японского министра стоило немало труда. Понимая, что в этом вопросе японская сторона не намерена уступить (дальнейшие возражения ставят под удар достижение соглашения), русским уполномоченным пришлось согласиться на полное невмешательство в распоряжения Японии относительно количества войск, которое она намерена держать в Корее. Барон Комура со своей стороны согласился выпустить совсем упоминание в договоре о том, куда именно будут отводиться войска из Маньчжурии.

Позже, когда отношения между русскими и японскими уполномоченными приняли более спокойный характер, Витте спросил Комура в частной беседе, предполагают ли японцы действительно держать в Корее большое количество войск. Комура ответил, что на это у них нет средств и что там поэтому будет оставлено возможно меньшее количество войск⁵⁰.

В итоге текст статьи о Корее в мирном договоре между Россией и Японией был сформулирован в следующем виде:

«Российское Императорское Правительство, признавая за Японией в Корее преобладающие интересы политические, военные и экономические, обязуется не вступаться и не препятствовать тем мерам руководства, покровительства и надзора, кои Императорское Японское Правительство могло бы почтёшь необходимым принять в Корее.

Условлено, что русскоподданные в Корее будут пользоваться совершенно таким же положением, как подданные других иностранных государств, а именно, что они будут поставлены в те же условия, как и подданные наиболее благоприятствуемой страны.

Равным образом установлено, что во избежание всякого повода к недоразумениям обе высокие договаривающиеся стороны воздержатся от принятия на русско-корейской границе каких-либо военных мер, могущих угрожать безопасности русской или корейской территории» [Сборник, с. 338].

Сверх того, в Протоколе были сделаны относительно Кореи следующие оговорки, принятые обеими сторонами и, следовательно, обязательные для них:

1. «Японские уполномоченные заявляют, что постановлено, что те мероприятия, которые Япония может признать необходимым принять в Корее в будущем и которые могут затронуть суверенитет этой страны, будут принимаемы по соглашению с Корейским правительством».

2. «Россия не обязана разоружать укреплений, имеющих постоянный характер и уже существовавших на границе до войны. Ограничение касается только временных укреплений,

---

⁵⁰ АВПРИ. Ф. 138 «Секретный архив министра иностранных дел». Оп. 467. Д. 698/41. Л. 60–62.

которые могли быть сооружены обеими сторонами со времени открытия военных действий, а равно и других военных мер, которые они могут принять в будущем».

3. «Уполномоченные сверх того согласились заявить, что слово “контроль”, упоминаемое в статье II французского текста договора, должно быть понимаемо в столь же обширном значении, какое оно имеет в означенной статье английского текста»⁵¹.

Таким образом, по Портсмутскому мирному договору Россия признавала за Японией преобладающие политические, военные и экономические интересы в Корее. При этом признание оговаривалось зафиксированным в протоколе конференции обязательством Японии не принимать без согласия правительства Кореи мер, затрагивающих суверенитет последней.

Вопрос о статусе Кореи на основании Портсмутского договора обсуждался на Совещании для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключенного в Портсмуте 23 августа /5 сентября/ 1905 г., проходившем 21 сентября 1905 г. в присутствии председателя Комитета государственной обороны вел. кн. Николая Николаевича, с участием и председателя комитета министров Витте. На вопрос морского министра вице-адмирала Бирилева о положении Кореи относительно Японии и на замечание замещавшего Ламздорфа товарища министра иностранных дел кн. Оболенского-Нелединского-Мелецкого, что Министерство иностранных дел планирует назначить своего представителя в Корею и, может быть, предварительно обратиться к державам с запросом тотчас по ратификации договора, Витте твёрдо заявил, что «суверенитет Кореи договором нисколько не поколеблен» и что «независимость Кореи никак не могла быть уничтожена договором между Россией и Японией, так как это вопрос международный», что «если другие державы пошлют в Корею посланников, то и мы можем послать» и что вопрос этот «по необходимости будет возбужден самим корейским правительством, представитель которого уже обращался ко мне и к министру иностранных дел по этому вопросу». Оболенский-Нелединский-Мелецкий пояснил, что «Русское правительство никогда не признавало мероприятий Японии, имевших целью уничтожение независимости этого государства. Лучшим доказательством такого взгляда служит пребывание здесь до настоящего времени посланника, которому русское правительство выплачивает содержание»⁵². Исходя из вышеизложенного относительно обсуждения вопроса о суверенитете Кореи на Портсмутской мирной конференции, созванное 21 сентября / 4 октября 1905 г. совещание представителей министерств иностранных дел, финансов и военного для рассмотрения вопросов, вытекающих из мирного договора, после соответствующих разъяснений С.Ю. Витте пришло к заключению, что «независимость Кореи договором не уничтожена и по-прежнему может признаваться императорским правительством; но взгляды других держав на этот вопрос желательно проверить путём соответствующих сношений министерства иностранных дел»⁵³.

---

⁵¹ Протоколы Портсмутской мирной конференции и текст договора между Россией и Японией, заключенного 23 августа / 5 сентября 1905 г. СПб., 1906, с. 10–14.

⁵² Красный архив. 1924. Т. 7. С. 15.

⁵³ Красный архив. 1924. Т. 7. С. 25; Columbia university library. Manuscript department. Bakhmeteff archive. S.Yu.Witte collection. Документы из дел по Портсмутскому договору. File 32. № 6: Журнал совещания 21 сентября 1905 г. для рассмотрения вопросов, вытекающих из договора с Японией, заключённого в Портсмуте 23 августа /5 сентября/ 1905 г.

Руководствуясь этим заключением, в предписании посланникам в Париже, Берлине и Вашингтоне выяснить позицию правительств Франции, Германии и США по вопросу о международном положении Кореи Министерство иностранных дел специально разъясняло, что, признав интересы Японии в Корее, русское правительство «не имело в виду нарушать принцип независимости Кореи, положенный в основу политики России на Дальнем Востоке» [Пак 2004, с. 377].

Внесение в протокол конференции пункта, предусматривающего, что Япония может предпринимать в Корее меры, наносящие ущерб её суверенитету, только с согласия корейского правительства, без всякого сомнения говорило об успехе российской дипломатии в переговорах о суверенитете Кореи. Согласно этой оговорке в протоколе, японцы, проводя то или иное мероприятие в Корее, наносившее ущерб корейскому суверенитету, должны были предварительно согласовывать такое мероприятие с корейским правительством, иными словами, оформлять каждое такое мероприятие специальным японо-корейским договором. И если бы другие государства заняли в этом вопросе такую же позицию, как Россия, то насильственно вырванные японцами у корейского правительства договоры не получили бы международной санкции. Но по вопросу о судьбе Кореи Япония сговорилась с США и Англией. Не оказала поддержки России и Франция. России ничего не оставалось, как признать японские требования в отношении Кореи, добившись удовлетворения лишь своих минимальных требований.

Дело было не в том, что Россия добивалась этого исключительно в интересах корейского народа, а в том, что сохранение независимости пограничной Кореи при создавшейся ситуации отвечало насущным интересам обороны русского Дальнего Востока. И это обстоятельство определяло тактику российской делегации в Портсмуте по корейскому вопросу.

Что касается точки зрения южнокорейского исследователя Пак Чон Хё, не соглашающегося с автором книги «Россия и Корея» Б.Д. Паком в том, что по Портсмутскому мирному договору Корейское государство не было лишено суверенитета, на том основании, что хотя в окончательном тексте Портсмутского мирного договора фразы о лишении Кореи суверенитета нет, но «по нему ... фиксировалось право японцев контролировать все сферы государственного и экономического развития страны, практически утверждалось японское господство в Корее» и потому заверения русских сановников (уже после Портсмута), что «независимость Кореи договором не уничтожена и по-прежнему может признаваться императорским правительством, были ... дипломатической оговоркой» [Пак Чон Хё 1997, с. 239], то здесь нельзя не согласиться с Б.Д. Паком, что признание за Японией преобладающих интересов в Корее не означало признание Россией японского протектората над Кореей. Будучи обязательной для обеих сторон, эта «дипломатическая оговорка» стала единственным внешнеполитическим препятствием на пути к полному уничтожению независимости и территориальной неприкосновенности Корейского государства Японией ещё на протяжении целых пяти лет после Портсмута. Японское правительство вынуждено было всякий раз оформлять установление колониального режима в Корее. Оговорка позволила России не признать договора о протекторате над Кореей, насильственно навязанного корейскому правительству в ноябре 1905 г., пыталась восстановить деятельность русской дипломатической миссии в Сеуле и сохранить статус независимого корейского государства. Сначала японцы в августе 1905 г. установили свой протекторат над

Кореей и только в августе 1910 г. аннексировали Корею, т.е. практически установили своё полное господство в Корее.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Витте С.Ю. Избранные воспоминания (1889–1904). Москва: Государственное издательство. 1991.

Гальперин А.Л. Корейский вопрос в международных отношениях накануне аннексии Кореи Японией (1905–1910) // Вопросы истории. 1951. № 2. С. 12–30.

Игнатъев А.В. С.Ю. Витте – дипломат. Москва: Международные отношения. 1989.

Из архива С.Ю. Витте. Воспоминания. Т. 2. Рукописные заметки. Санкт-Петербург: Дмитрий Буланин. 2003.

Ключников Ю.В., Сабанин А.В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. Ч. I. Москва: Изд. Литиздата НКВД. 1925.

Коростовец И.Я. Страница из истории русской дипломатии. Русско-японские переговоры в Портсмуте в 1905 г.: дневник И.Я. Коростовца, секретаря графа Витте. Пекин. 1923.

Кутаков Л.Н. Портсмутский мирный договор (Из истории отношений Японии с Россией и СССР. 1905–1945 гг.). Москва: Соцэкгиз. 1961.

Лукоянов И.В. Россия на Дальнем Востоке. Москва: Роспэн. 2010.

Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. Москва: Эксмо. 2003.

Пак Б.Д. Россия и Корея. Москва: ИВ РАН. 2004.

Пак Чон Хё. Русско-японская война 1904–1905 гг. и Корея. Москва: Восточная литература. 1997.

Переписка Вильгельма II с Николаем II (1894–1914 гг.). Москва – Петроград: Государственное издательство. 1923.

Романов Б.А. Очерки дипломатической истории русско-японской войны 1895–1907. Изд. 1-2. Москва – Ленинград: Издательство Академии Наук СССР. 1947.

Сборник договоров России с другими государствами (1856–1917). Москва: Государственное издательство политической литературы. 1952.

REFERENCES

Gal'perin, A.L. (1951). Koreyskii vopros v mezhdunarodnykh otnosheniyakh nakanune anneksii Korei Yaponiei (1905-1910) [The Korean Question in International Relations on the Eve of the Annexation of Korea by Japan (1905-1910)]. *Voprosy istorii*, 2, 12–30. (In Russian).

Ignat'yev A.V. (1989). *S.Yu. Vitte – diplomat* [S.Yu. Witte as a Diplomat]. Moscow. (In Russian).

Iz arkhiva S.Yu. Vitte. Vospominaniya. Vol. 2. Rukopisnyye zametki [From the Archive of S.Yu. Witte. Memories. Vol.2. Handwritten Notes]. (2003). Saint-Petersburg. (In Russian).

Klyuchnikov, Yu.V. & Sabanin, A.V. (1925). *Mezhdunarodnaya politika noveishego vremeni v dogovorakh, notakh i deklaratsiyakh. Ch. I* [Modern international politics in treaties, notes, and declarations. Part I]. Moscow. (In Russian).

Korostovets, I.Ya. (1923). *Stranitsa iz istorii russkoi diplomatii. Russko-yaponskie peregovory v Portsmute v 1905 g.: dnevnik I.YA. Korostovtza, sekretarya grafa Vitte* [A Page From

the History of Russian Diplomacy. Russo-Japanese Negotiations in Portsmouth in 1905: Diary of I.Ya. Korostovets, Secretary of Count Witte]. Beijing. (In Russian).

Kutakov, L.N. (1961). *Portsmutskii mirnyi dogovor (Iz istorii otnosheniy Yaponii s Rossiei i SSSR. 1905-1945 gg.)* [Portsmouth Peace Treaty (From the History of Japan's Relations With Russia and the USSR. 1905-1945)]. Moscow. (In Russian).

Lukoyanov, I.V. (2010). *Rossiya na Dal'nem Vostoke* [Russia in the Far East]. Moscow: Rospen. (In Russian).

Ol'denburg, S.S. (2003). *Tsarstvovanie imperatora Nikolaya II* [Reign of Emperor Nicholas II]. Moscow: Eksmo. (In Russian).

Pak, B.D. (2004). *Rossiya i Koreya* [Russia and Korea]. Moscow: Institut vostokovedeniya RAN. (In Russian).

Park Jong-hyo. (1997). *Russko-yaponskaya vojna 1904-1905 gg. i Koreya* [Russo-Japanese War of 1904-1905 and Korea]. Moscow: Vostochnaya literatura. (In Russian).

Perepiska Vil'gel'ma II s Nikolayem II (1894-1914 gg) [Correspondence Between Wilhelm I and Nikolai II (1894-1914)]. (1923). Moscow, Petrograd. (In Russian).

Romanov, B.A. (1947). *Ocherki diplomaticheskoi istorii russko-yaponskoi voiny 1895-1907. Izd.1-2* [Essays on the Diplomatic History of the Russo-Japanese War of 1895-1907. Edition 1-2]. Moscow, Leningrad. (In Russian).

Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami (1856–1917) [Collection of Treaties Between Russia and Other States (1856–1917)]. (1952). Moscow. (In Russian).

Vitte, S.Yu. (1991). *Izbrannye vospominaniya (1889-1904)* [Selected Memoirs (1889-1904)]. Moscow. (In Russian).

* * *

Akagi, R.H. (1936). *Japan's Foreign Relations. 1932–1936. A Short History*. Tokyo.

British documents on the origins of the war. 1898–1914. (1926). Vol. IV. London: H. M. Stat. off.

Dennett, T. (1925). *Roosevelt and the Russo-Japanese War*. New York: Doubleday, Page & Company.